

ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД В СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Я. Н. Дёгтева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2018 г.

Аннотация: *статья посвящена актуальной в рамках визуальной проблематики теме — чужому взгляду в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Исследуемый феномен рассматривается в контексте коммуникации и субъект-объектных отношений героев.*

Ключевые слова: *чужой взгляд, Достоевский, субъект, объект, рефлексия.*

Abstract: *the article is devoted to the actual theme within the framework of visibility problems — the other's view in the novel "Idiot" by F. M. Dostoevsky. This phenomenon is considered in the context of novel's characters communication and their subject-object relations.*

Keywords: *other's view, Dostoevsky, subject, object, reflection.*

Роман «Идиот»¹ занимает особое место в художественной прозе Ф. М. Достоевского в целом; в этом произведении он предпринял сознательную попытку изобразить противостояние «положительно прекрасного» человека жестокой действительности [1, 129; 2; 3, 131]. Несмотря на то, что создание образа нравственно чистого и духовно развитого человека было значимо в эстетическом и социокультурном планах, роман не был принят современниками, которые, видимо, не замечали катастрофичности, изображённой в нём. Лишь спустя годы открылись пророчества и глубокая философская основа этого произведения [4; 5; 6].

Чужой взгляд не только играет ключевую роль в событийном развёртывании романа «Идиот», но и многообразно преломляется в нарративной и характерологической структуре романа. Для определения принадлежности взгляда к разряду «чужого» необходимо обращение к контексту конкретного акта восприятия и содержанию рефлексии² героев произведения или речи повествователя.

Чужой взгляд как элемент визуального в художественной прозе определяется двояко: направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект и (или) манера воспринимающего героя смотреть отчуждённо (чужими глазами) [8, 164]. Следовательно, существенными признаками феномена являются гетерогенность и отчуждённость визуальной перцепции, достаточным условием для квалификации при этом является наличие в тексте одного из них.

Исследуемое понятие шире, чем «взгляд Другого», поскольку чужой взгляд не всегда предполагает наличие двух актантов: в границах понимания фено-

мена находится и зрительное самовосприятие. Это обостряет проблематику субъект-объектных отношений героев и их осознания себя в этическом пространстве художественного произведения.

По мнению Р. Ф. Миллера, отмечавшего великолепное владение Ф. М. Достоевского риторическими приёмами и стратегией диалога, герои «Идиота» не доверяют словам [9]. Отсюда вытекает значимость описаний реакции на чужой взгляд и манеры действующего лица смотреть на себя и окружающих.

Взгляд повествователя или персонажей «со стороны» позволяет интерпретировать визуальность героев в «молчаливых диалогах». Характеристика Гани представлена в описаниях его общения с начальником, родной сестрой и малознакомым князем: «Он глядел своим воспаленным взглядом прямо в глаза генералу, как бы даже желая, чтобы тот прочел в его взгляде всю его мысль» (с. 28). Гаврила Ардалионович Иволгин позволяет себе «говорить» больше как субъект зрения, чем как субъект речи.

Князь Мышкин чаще остальных упоминается в контексте визуальной перцепции, он рассматривается незнакомыми и неблизкими ему людьми неприемлемым пристальным взглядом, к чему относится достаточно спокойно, так как не думает ни о ком из смотрящих дурно. И это несмотря на то, что в начале повествования его ручная кладь заслуживает едва ли не большего внимания, чем персона хозяина: об узелке говорят, его осматривают, осмеивают. Этот предмет, по мнению Лебедева, «имеет некоторое значение, <...>, и хотя <...> в нём не заключается золотых заграничных свёртков с наполеондорами и фридрихсдорами, ниже с голландскими арапчиками, о чём можно ещё заключить хотя бы только по штиблетам, облакающим иностранные башмаки ваши, но... если к вашему узелку прибавить в прида-

чу такую будто бы родственницу, как, примерно, генеральша Епанчина, то и узелок примет некоторое иное значение...» (с. 7).

За узелком, свидетельствующем о малом количестве денег и низком статусе его обладателя, почти никто не пытается рассмотреть человека, личность. Та же история повторяется при получении князем наследства и подтверждении его принадлежности к высшему дворянству: теперь уже титул и богатство застилают глаза окружению, но не самому Мышкину. Он как «ясновидящий» персонаж свободен от установок и мнений, царящих в Петербурге, от внешних обстоятельств, оценивания «вещного мира», потенциально принадлежащего тому, кто перед ним находится. Это созвучно тому, что как объект чужого взгляда Лев Николаевич почти всегда открыто говорит людям о том, как они на него смотрят, и данные им характеристики отражают реальное положение дел: «Вот вы все теперь, — начал князь, — смотрите на меня с таким любопытством, что, не удовлетвори я его, вы на меня, пожалуй, и рассердитесь» (с. 57). Как только «положительно прекрасный человек» изменяет своему стремлению разрешить ситуацию и пытается подавить сильнейшую интенцию к поиску справедливости, отрицает то, что видит лучше своего окружения, чьи глаза закрыты пеленой разнообразных интроектов и стереотипов, — сущность человека и его намерения, он попадает в беду.

На вокзале герой переживает действие мнимого (как он считает) чужого взгляда: «...при выходе из вагона князю вдруг померещился странный, горячий взгляд чьих-то двух глаз, в толпе, осадившей прибывших с поездом» (с. 158). Этот объектный опыт сохраняется в его памяти: «Поглядев внимательнее, он уже ничего более не различил. Конечно, только померещилось; но впечатление осталось неприятное» (с. 158).

Когда князь Мышкин говорит Рогожину: «Давеча, выходя из вагона, я увидел пару совершенно таких же глаз, какими ты сейчас сзади поглядел на меня», — он отмечает свою активность как субъекта («я увидел»), при этом осознавая себя объектом взглядов Парфёна и «пары глаз», то есть в самоотчёте отражено зрительное восприятие из обеих позиций (с. 171).

Сам Рогожин в этой ситуации осознаёт себя объектом визуальной перцепции Льва Николаевича, зрительное поведение которого его смущает, поэтому он предпринимает попытку сменить пространственное расположение гостя (предлагает ему сесть), а также прерывает контакт глаз, начав говорить.

Князь Мышкин до последнего не хочет отождествлять Парфёна и пару «давешних глаз», корит и осуждает себя за желание «подойти к Рогожину и сказать ему, “чьи это были глаза!”» и за это «неотразимое впечатление, невольно переходящее в полнейшее убеждение» (с. 193—195). Не признавая правду, он

даже прогнозирует свой взгляд из позиции субъекта: «Какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека!» (с. 194). Данный приём должен помочь восстановить веру в добрую сущность названного брата, но в итоге приводит под его нож.

Настасья Филипповна, как и Мышкин, воспринимает глаза Рогожина отдельно от его личности. Но если князь угадал в них страшную сущность Парфёна, то она, напротив, находит себя, читая «в двух ужасных» молчащих глазах (даже не видя их в реальности), что практически прекратила существование и что в ней «бог знает, что вместо» неё живёт (с. 380). Взгляды Рогожина героиня интерпретирует самостоятельно, а князю Мышкину задаёт вопросы, чтобы понять, как она выглядит в его глазах: «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? <...> И позвольте вас спросить, почему вы давеча остолбенели на месте? Что во мне такого остолбеняющего?» (с. 89).

Рефлексия Рогожина как субъекта чужого взгляда встречается в его воспоминаниях о встречах с Настасьей Филипповной: «Я и ростом мал, и одет как холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно...» (с. 12); «А вот встанешь с места, пройдешь мимо, а я на тебя гляжу и за тобою слежу» (с. 176). Кроме того, Парфён рассказывает князю Мышкину, как на него смотрит его будущая жена — словно «на последнюю самую шваль» (объектный опыт), как она «подглядела в окошко», когда он скрытно следил за ней (воспринимает ситуацию из обеих позиций) (с. 174—175).

С. Л. Франк отмечает, что в визуальной перцепции сознание объекта нередко сопричастно смотрящему субъекту, то есть не только позволяет изучать себя, но и познаёт в ответ [10]. Утверждение философа соотносимо со стремлением некоторых героев романа «Идиот» корректировать взгляды окружающих через речевое воздействие на их сознание (вплоть до склонения к отчуждённому самовосприятию).

Эта тенденция прослеживается во взаимодействии князя Мышкина и младшей дочери Епанчиных: «Аглая даже и не оглянулась на него <...>, с аффектацией продолжая смотреть на одного только князя...» (с. 208). Героиня сама пристально смотрит на Льва Николаевича без объяснений, но акцентирует внимание на его зрительной активности в свой адрес: «Что вы на меня так смотрите, князь?» (с. 287); «Что вы так вдруг на меня уставились? — прибавила она почти с гневом» (с. 355). Кроме того, Аглая в истерическом порыве призывает Мышкина посмотреть на себя её глазами: «Разве можно выйти за такого смешного, как вы? Вы посмотрите теперь в зеркало на себя, какой вы стоите теперь!...» (с. 283). Однако князь остаётся независимым в своем визуальном поведении, и даже проявляет умение смотреть, абстрагируясь от неё как от носителя сознания: «Иногда вдруг он начинал приглядываться к Аглае и по пяти

минут не отрывался взглядом от её лица; но взгляд его был слишком странен: казалось, он глядел на нее как на предмет, находящийся от него за две версты, или как бы на портрет ее, а не на нее самое» (с. 287).

Подчинить себе чужую визуальность пытается не только Аглая; генерал Иволгин сообщениями о том, что подвергается зрительному восприятию, преследует, как минимум, две цели: манипуляция мнением людей; оправдание последующих своих слов и действий. Например, фраза: «Вы, кажется, смотрите на меня с удивлением?» — предваряет его самопрезентацию (с. 203). А его сын, Гаврила Ардалионович, похожим образом использует упоминание обращённого к нему взгляда сестры не просто как аргументацию в беседе с матерью, но и как способ публично подчеркнуть собственную стойкость характера: «Я никогда и ни за что вас не оставлю; другой от такой сестры убежал бы по крайней мере, — вон как она смотрит на меня теперь!» (с. 85).

Таким образом, разделение актантов на группы субъектов и объектов чужого взгляда в романе «Идиот» позволяет проследить некоторые общие тенденции.

В рефлексии героев нередко встречается совмещение ролей: персонажи осознают свой объектный опыт, но при этом могут рассматривать воспринимающего их героя, или, наоборот, проявивший первичную зрительную активность субъект отмечает ответный взгляд объекта. Объект чужого взгляда в направленном на него взгляде может как прочесть характеристики смотрящего и, следовательно, воспринять его из позиции субъекта, так и, интерпретируя модальность и направленность обращённого к нему взора, установить намерения или отношение воспринимающего к себе — получить объектный опыт. В романе «Идиот» присутствует также субъект-объектное взаимодействие, позволяющее увидеть себя в глазах другого.

Интерпретация героями взглядов других персонажей друг на друга и взоров, обращённых к ним самим, зависит от их особенностей: «положительно прекрасный» князь Мышкин и, например, Лебедев — «нечто вроде закорюзлого в подьячестве чиновника» (с. 7) — наделены разительно отличающимся восприятием. Иными словами, феномен чужого взгляда встраивается в пространство художественного произведения, а изучение субъект-объектного визуального взаимодействия персонажей помогает детализировать их образы, что открывает перспективу для дальнейшей разработки авторской антропологии и характерологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука, Т. 8. — 1973. — 509 с.

Ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

2. Рефлексия выступает «ядром сознания», дающим возможность осмысливать онтологические проблемы субъекта, фундаментом самообъективации и самопознания. Подразумевается, что это «сознание» не позволяет смотреть на мир «со стороны» (практически беспристрастно), увидеть себя и своё место на поле событий, поскольку важна включённость отдельного носителя осознания в процесс, в деятельность [7]. Сознание и самосознание находится в паузе «длящегося опыта индивида; <...> активности, поведении, деятельности» [Там же, с. 170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / пер. с нем. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2016. — 320 с.

2. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский. — М.: РГГУ, 2001. — 190 с.

3. Савинков С. В. Аспекты русской литературной характерологии / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2010. — 331 с.

4. Мочульский К. В. Достоевский: жизнь и творчество / К. В. Мочульский. — Париж: Ymca-press, 1980. — 564 с.

5. Свительский В. А. Самодостаточность личности и жизненные роли героев Достоевского: От «Записок из подполья» к «Братьям Карамазовым» / В. А. Свительский // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. — 2001. — Вып. 16. — С. 15—24.

6. Dalton E. Unconscious Structure in The Idiot / E. Dalton. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1979. — 237 p.

7. Зинченко В. П. Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили / В. П. Зинченко. — М.: Новая школа, 1997. — 334 с.

8. Дёгтева Я. Н. Чужой взгляд: уточнение дефиниции в контексте творчества Ф. М. Достоевского / Я. Н. Дёгтева // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. — Воронеж, 2016. — Т. 272. — № 3. — С. 162—165.

9. Miller R. F. Dostoevsky and The Idiot: Author, Narrator, and Reader / R. F. Miller. — Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1981. — 293 p.

10. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — 510 с.

Воронежский государственный университет

Дёгтева Я. Н., аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Dyogteva Y. N., Postgraduate student of the Department of history and typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru